

брать вселенную или тебя. Бѣлинскій тебя не стоить; онъ не будетъ въ состояннѣ цѣнить твою любовь, твой умъ; онъ пожертвовалъ другомъ для... о, не для тебя!.. деньги, деньги—вотъ его божество!.. и тебя принесетъ онъ имъ въ жертву. Тогда ты проклянешь свою легковѣрность... и тотъ часъ, тотъ часъ... въ который подала мнѣ пагубныя надежды и создала земной рай для моего сердца, чтобъ лишить меня небеснаго...

Наташа:—Еще разъ говорю вамъ, перестанте! Вы слишкомъ вольно говорите. (Помолчавъ). Мы не должны больше видѣться. Какая вамъ охота смущать семейственную тишину? Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, а послѣ—послѣ мы будемъ друзьями...

Владиміръ:— Не слишкомъ ли вы полагаетесь на свою добродѣтель? Нѣтъ, я не способенъ жить остатками сокровища, принадлежащаго другому... Что смѣлились вы предложить мнѣ? Создатель! Теперь я вѣрю, что демоны были прежде ангелами.

Наташа:— Господинъ Арбенинъ, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы. Вы веселы.

Владиміръ:— Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

Наташа:— Вы правы: я смѣшна, глупа... Какъ хотѣть, чтобъ сумасшедшій поступалъ какъ разсудительный человѣкъ... Оставлю васъ и, признаюсь, раскаиваюсь въ первый и послѣдній разъ въ томъ, что хотѣла кого-нибудь утѣшить. Вы пренебрегли всѣ приличія, и я не намѣрена терпѣть долѣе. (Уходитъ; но останавливается въ глубинѣ театра и смотритъ на него).

Владиміръ:— Богъ, Богъ! Во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры!.. Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, Ты самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любить до крайности и не умѣетъ такъ же ненавидѣть? Ты виновенъ! пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову; я не думаю, чтобъ послѣдній вопль погибающаго червь могъ Тебя порадовать... (Въ это время взяла Бѣлинскій. Наташа говоритъ ему что-то на ухо, съ видомъ просьбы, и уходитъ. Онъ смотритъ издали. Владимиръ ломаетъ себѣ руки). Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, улыбка, глаза, все, все это для меня стало ядъ! Какъ можно подавать надежды только для того, чтобъ имѣть удовольствіе лишній разъ обмануть ихъ? (Обтираетъ глаза и лобъ). Женщина, стоишь ли ты этихъ кровавыхъ слезъ? (Бѣлинскій подходитъ).

Бѣлинскій:— Владимиръ! (Въ сторону). Мнѣ должно его умаслить, уговорить, а то онъ чортъ знаетъ чего надѣлать радъ! Наташа

правду говоритъ: онъ только въ первые минуты бѣшенства опасенъ. (Громко). Владимиръ!

Владиміръ (не оборачиваясь):— Что?

Бѣлинскій:— Ты на меня сердитъ?

Владиміръ:— Нѣтъ.

Бѣлинскій:— О! я вижу, что ты сердитъ, но развѣ не она сама выбирала?

Владиміръ (все не оборачиваясь):— Разумѣется.

Бѣлинскій:— Время тебя вылечить.

Владиміръ:— Не знаю. (Голосъ его дрожитъ).

Бѣлинскій:— Арбенинъ! я вижу по всему, ты ужасно на меня сердитъ. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ въ движенія твоего сердца и даже иногда скорѣе объясню твои поступки, чѣмъ свои собственные.

Владиміръ:— Ты знаешь меня? Ты говоришь это? (Со смѣхомъ). Если такъ, то Павелъ Васильевичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ или первѣйшій злодѣй въ свѣтѣ!

Бѣлинскій:— Скорѣй первое, чѣмъ послѣднее.

Владиміръ:— Поздравляю.

Бѣлинскій:— Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинакаго права съ тобой на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ. Вѣрь мнѣ, твоя печаль одно оскорбленное самолюбіе.

Владиміръ:— Мнѣ вѣрить?.. Тебѣ?..

Бѣлинскій:— Развѣ я употребилъ во зло твою довѣренность, развѣ я открылъ какую-нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, положимъ; а теперь моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился?

Владиміръ:— Я советую оставить меня. Не надѣйся на мое хладнокровіе. Я хотѣлъ... готовъ былъ тебѣ отомстить, ушиться твоей кровью... кровью! слышишь ли? и я тебѣ прощаю, и ни въ чемъ не виню, только оставь меня. Я не могу отвѣчать на твои искреннія ласки. (Смѣется дико). Теперь я свободенъ. Никто... никто... равно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ—слышишь? Я лишній! Ты, искусный, осторожный, умный человѣкъ! Забѣтилъ, что дружба меня изнѣжила, что надежда избаловала—и однимъ ударомъ отнять все... Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужъ нѣтъ завиднаго?

Бѣлинскій:— Ты не прощаешь мнѣ! эта холодность, эта изыскательная улыбка...

Владиміръ:— О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ; съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ... мои долги тебѣ заплачены, денежные и другіе...

Бѣлинскій:— Итакъ, ты у меня совершенно отнялъ свое сердце?.. Ужели мы снова не можемъ сойтись, если я докажу...